

Резюме

М. П. Безенова. Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна

Статья посвящена описанию морфологических особенностей первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна начала XIX в. Целью исследования является определение диалектной основы этих источников.

В работе описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Источниковой базой исследования послужил корпус рукописных текстов первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в Российском государственном историческом архиве. Анализ проведен методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. Предпринята попытка определения инновационного либо архаичного характера всех зафиксированных в исследуемых письменных источниках особенностей.

В результате анализа в рукописях был выявлен ряд инноваций, на основе которых можно судить о диалектной принадлежности письменных памятников. Соотнесение этих особенностей с современными удмуртскими диалектами позволило предположить, что в основе рукописей лежат говоры верхнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия. В памятниках также были зафиксированы некоторые архаизмы, которые на сегодняшний день уже не встречаются в северноудмуртских говорах. Кроме того, в рассмотренных текстах, как и в других письменных источниках этого периода, отчетливо прослеживается орфографическая норма, согласно которой к основам, оканчивающимся на гласные и мягкие согласные, присоединяются морфологические показатели с *и*-овой инициальной, а в остальных случаях употребляются *ы*-овые форманты.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, Евангелия, морфологические особенности, диалекты удмуртского языка

Е. Л. Клячко. Глагол *некэ-* в тунгусо-маньчжурских языках: функции и развитие значений

В статье рассматривается глагол *некэ-*, присутствующий в нескольких тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийском, эвенском, негидальском, орочком и удэгейском) и обладающий широким набором значений ('делать', 'говорить', 'хотеть', 'ходить', 'охотиться'). Он может также быть эвфемизмом для 'совокупляться'. Кроме того, *некэ-* употребляется как вспомогательный глагол и, в сочетании с наречием 'так', образует дискурсивный коннектор. Он также может использоваться в случаях глагольной анафоры. Цель работы — описать пути развития полисемии. Функции рассматриваемого глагола были кратко изложены в грамматиках и словарях. Однако корпуса устных текстов и эксперименты по элицитации дали мне возможность обнаружить значения, ранее не отмеченные для некоторых языков. Сопоставление языковых данных и сведения из типологии позволяют предположить следующее развитие. Первоначально *некэ-* был глаголом с семантикой абстрактного действия. Далее он стал значить 'хотеть X', где X — другой глагол. Помимо этого, он стал использоваться для ввода идеофонов и, как следствие, превратился в некоторых языках в цитативный глагол. Наконец, абстрактное 'делать' начало означать 'перемещаться' и 'охотиться'. Употребление *некэ-* в значении абстрактного действия также позволило ему использоваться в роли вспомогательного глагола и в составе коннектора. В некоторых диалектах эвенкийского языка *некэ-* заменился монгольским заимствованием — глаголом *кэ-*. Интересно, что, по-видимому, *некэ-* присутствует лишь в языках, упомянутых выше, в то время как в других тунгусо-маньчжурских языках, например нанайском или ульчском, присутствует глагол с аналогичными функциями, но с другой основой. Это может говорить в пользу гипотезы А. М. Певнова о том, что *некэ-* — это основа заимствованного корякского плейсхолдера.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, глаголы речи, дискурс, гезитация, полипредикация, идеофоны

С. В. Мирзаева. О тибетской графеме *bya* в ойратском «ясном письме»

Ойратская письменность *тодо бичиг* («ясное письмо»), созданная в первой половине XVII в. Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662), помимо 25 графем, включает также дополнительные знаки транскрипционного алфавита галик, предназначенного для передачи иноязычных слов. Отдельные знаки галика, в частности графема ᠪᠶᠠ , повторяющая форму тибетского слога ᠪᠶᠠ (*bya*), к началу XX в. перешли в старокалмыцкий алфавит, что подтверждают материалы двуязычных словарей и букварей для калмыцких детей XIX–XX вв. Между тем в принятой в ойратоведении системе транслитерации стандартизированное обозначение

для указанного знака все еще отсутствует. Цель статьи — описать случаи использования графического знака Ს , транслитерируемого нами как Უ , в лексикографических и дидактических материалах по старокалмыцкому языку, провести анализ его характеристик в контексте графо-фонетической системы, а также отметить необходимость поиска единого общепринятого варианта транслитерации для данного знака. Материалами для исследования послужили анонимный русско-калмыцкий словарь XVIII в., калмыцко-русские словари Н. Бадмаева (1899) и А. М. Позднеева (1911), буквари К. И. Костенкова (1871) и Л. Нармаева и Н. Очирова (1915). В рассмотренных источниках знак галика Უ является аллографом графемы Უ и используется для обозначения звонкого аффрикативного [дж]. Проанализированные словари показывают изменения в ее написании в диахронии и отход от первоначального принципа следования тибетской орфографии, когда гласный a перестал входить по умолчанию в графему и стал прописываться отдельным зубцом. Кроме того, материалы словаря А. М. Позднеева и «Учебника калмыцкого языка» Л. Нармаева и Н. Очирова показывают, что к рассматриваемому периоду аллографы звука [дж] Უ и Უ находились в позиции свободного варьирования, т. е. могли заменять друг друга.

Ключевые слова: старокалмыцкий язык, «ясное письмо», *тодо бичиг*, Зая-пандита, словари, галик, тибетский язык

И. П. Новак, Ю. В. Норманская. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм

В статье представлены результаты анализа вокалической системы говоров карельского языка инструментом «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок. Источником диалектных данных послужил материал «Сопоставительно-ономастиологического словаря диалектов карельского, вепского и саамского языков» (2007), в котором зафиксировано состояние 24 говоров карельского языка периода 40-летней давности. К работе привлечены также вепские материалы по шести пунктам, что является важным условием для определения места людиковских говоров в системе прибалтийско-финских языков. Подробному анализу подвержены пять групп гласных, обнаруживающих диалектные различия в области вокализма на уровне говоров карельского языка: конечные гласные номинатива единственного числа имен, долгие гласные, системы расширяющихся и сужающихся дифтонгов, а также сингармонизм. Определены основные позиции и описаны условия функционирования нарушенных соответственных явлений.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, диалектная классификация, анализ когнатов, междиалектное соответствие, фонетика, вокализм

С. Г. Татевосов. Шкалы, меры, конечные точки: наблюдения о композиционной природе предельности. На материале карачаево-балкарского языка

В этой статье предлагается объяснение акциональных интерпретаций, возникающих при соединении глаголов постепенного достижения и глаголов способа перемещения с дескрипциями меры ('сто метров' в 'пробежать сто метров'; 'на десять градусов' в 'нагреть на десять градусов') и конечной точки ('в школу' в 'прибежать в школу'; 'до девяноста градусов' в 'нагреть до девяноста градусов'). Мы предполагаем, что оба класса глаголов обозначают функции, измеряющие степень изменения параметрического свойства. Для таких функций есть два пути деривации. При первом степень изменения становится аргументом функции; это путь к обязательной предельности. Так создаются предикаты с дескрипциями меры во всех известных языках. Тем же способом интерпретируются дескрипции конечной точки в английском и аналогичных языках. Имеется, однако, класс языков, в который, в частности, входит карачаево-балкарский, где используется другой путь деривации. В этом случае дескрипции конечной точки задают максимальную степень на шкале, привязанной к измеряющей функции. Шкала оказывается закрыта с двух сторон, что делает доступными два стандарта сравнения — минимальный и максимальный. Первый создает предикат с неопредельной, второй — с предельной интерпретацией. Это объясняет вариативную предельность таких предикатов.

Ключевые слова: скалярная структура, акциональность, предельность, глаголы постепенного достижения, глаголы способа перемещения, дескрипции меры, дескрипции конечной точки, карачаево-балкарский язык